

ИЗ КНИГИ «БУДЬТЕ ВЫ БЛАГОСЛОВЕННЫ» (1997)

Копилка

Дождь. Туман. Заветная строка.
Вот мои несметные богатства.
Скажешь, что казна невелика?
Не спеши выказывать злорадство.

Вот сюда внимательно гляди:
это чей-то взгляд, запавший в душу.
Фраза, что однажды из груди
ненароком вырвалась наружу.

Вот напиток из полночных муз,
голоса любимого оттенков.
Я всё это пробую на вкус.
Я знаток, гурман, сниматель пенок.

Что это? Попробуй назови.
Так, пустяк. Души живая клетка.
Тайная молекула любви.
От сердечных горестей таблетка.

Тёплых интонаций нежный след —
словно ласка бархата по коже.
Я им греюсь вот уж сколько лет,
он ничуть не старится, такой же.

И, скупее рыцарей скупых,
от избытка счастья умирая,
словно драгоценности скупив,
я твои слова перебираю.

Скажет пусть какой-нибудь осёл:
ничего же не было, чудило!
Но душа-то знает: было всё.
Больше: это лучшее, что было.

Каждый волен счастье создавать,
разработать золотую жилку.
Надо только миг не прозевать,
подстеречь, и — цап! — себе в копилку.

Я храню в душе нездешний свет,
свежесть бузины и краснотала.
И живу безбедно много лет
на проценты с этих капиталов.

Как алмаз, шлифую бытие,
собираю память об умершем.
Я — самовладелица. Рантье.
Баловень судьбы, миллионерша.

Взгляд души и зорек, и остёр.
Он — спасенье от тщеты и тлена.
Никому не видимый костёр,
огонёк мой, очажок вселенной.

Что бы там ни уготовил рок —
настежь я распахиваю сердце:
все, кто болен, беден, одинок —
заходи в стихи мои погреться.

Капель дождя свои диктует гаммы,
их спинам крыш разучивать не лень.
Струится вслед за Вашими шагами
тоски моей невидимая тень.

Любовь? Откуда. Вряд ли. Непохоже.
Нет ни причин, ни следствий, ни улик.
Но отчего вдруг холодок по коже
и лик луны так скорбен и велик?

Какое одиночество большое...
Какой роскошный из печали пир!
Струится вслед за Вашею душою
души моей светящийся пунктир.

Прячу в сердца копилку, в тайник от людей
всё, что дорого мне и до боли родимо.
Там цветут гладиолусы ласки твоей,
поцелуев воздушных парят серафимы.

За окном так безвыходно серо, черно,
всюду пятна фигур одинаковой масти.
Но внутри колосится золотое зерно.
Это чуточку даже похоже на счастье.

Я в тебе прорастаю всей памятью снов,
всем ознобом и жаром несмелого тела.
Я хочу, чтобы ты догадался без слов
обо всём, что поведать тебе не сумела.

Баллада о мёртвой любви

Откуда ты? Ты разве жив ещё?
Ещё ты дышишь, ходишь, существуешь?
Из зарослей, из памяти трущоб —
я думала, умершую — живую! —

ты вытацил. Я снова — как тогда...
За гранью лет, веков, родимой речи...
И время, словно тёмная вода,
несёт, несёт меня к тебе навстречу.

Неужто это мы с тобой вдвоём,
и прошлое стрелой не пронзает?
И то, что мы любить перестаём,
с лица земли как сон, не исчезает?

Слова слабели и теряли вес,
утрачивая магию былую.
И таял жар, покуда не исчез,
несбывшихся меж нами поцелуев.

Не вырваться из памяти клещей.
Душа, тебе положено быть вещей!
Бездушное величие вещей
всё резче проступает, всё зловещей.

Зову тебя. Ау — кричу. Алё!..
Невыносима тяжесть опозданий,
повисших между небом и землёй
невыполненных ангельских заданий.

Легка любовь без завтрашнего дня.
Легка душа, когда она пустая.
Как нежить неба, ласкою маня,
где звёзды хладнокровные блистают.

То был мгновенный обморок любви.
Затмение, припадок вдохновенья...
А впрочем, как угодно назови.
Вся нежность мира — в том прикосновенье.

Судьба, как леший по лесу, кружит.
Она всегда ведёт игру без правил.
Великий Зодчий спутал чертежи
и по ошибке миражи представил.

Пути Господни, происки планет,
всё говорило: не бывает чуда.

Огромное и каменное НЕТ
тысячекратно множилось повсюду.

Рискуя раскроить сердца и лбы,
рождались мы мучительно друг в друге.
Античное отчаянье судьбы
кричало и заламывало руки.

О утро, как ты можешь наставить?!
Ведь ты бесследно канешь в чёрной пасти.
Нам остаётся лишь существовать
и никогда не говорить о счастье.

Давно погасли звёзды фонарей,
и дождь рассвета смысл воспоминанья.
О время, будь, пожалуйста, добрей,
не дай всему рассеяться в тумане!

Ты только тень, ты призрак, экивок.
Никак любовь мне в руки не даётся!
Когда не остаётся ничего —
то Это с нами насмерть остаётся.

Прошу, судьба, душе не прекословь!
Взгляни: рассвет во тьме зарю купает.
И заживо убитая любовь,
как жизнь, как кровь, наружу проступает.

Я привыкла к зиме и весны не ждала.
Я жила кое-как, ни о чём не печалась.
По утрам на работу привычно брела,
в одиночество, словно в пальто, облачаясь.

А потом умирающий день фонари
похоронной процессией в ночь провожали.
И не ты, а лишь сон был со мной до зари,
заносимый на тайные сердца скрижали.

Так брела через годы сквозь хмарь или хмель,
и к груди прижимала случайного друга.
То, что дарит легко завиральный апрель, —
после вьюга отнимет, и минет, как вьюга.

И не кажется белым тебе белый свет...
Каждый день неизбежно кончается ночью.
Но ещё беспощадней приходит рассвет,
меж тобою и совестью — ставкою очной.

Ты уже не сорвёшься, как прежде, с крючка,
в зазеркалье стихов или книг убегая.
И огромное солнце, как глаз без зрачка,
в твою душу глядит и глядит, не мигая.

Снова на чьей-то улыбки крючок,
словно беспечная рыбка, попалась.
Мало как будто в жизни досталось.
Манит в тумане любви червячок.

В кровь разбивая губы и лбы,
биться в сетях, задыхаясь и мучась.
Вечная рыба и бабья участь!
Неотвратимы уроки судьбы.

Мир нам готовит пир на крови.
Ладит ловушку ласковый витязь.
Остановитесь! Не становитесь,
бабы и рыбы — рабами любви.

Каждое слово — словно в перчатках.
Как это злит!
Чтоб не оставить следа, отпечатка
или улики?

Что не досказано — после доснится
ночью одной.
Пленною птицей сердце томится
в клетке грудной.

Не растопить мне глаз этих льдинки —
мало тепла.
В этом немом и слепом поединке
Ваша взяла!

Не убиваю то, что в зачатке,
и не браню.
Я умоляю: снимите перчатки,
маску, броню!

Приотворите чуточку дверцу
в таинства храм.
Дайте увидеть голое сердце —
есть ли я там?

На мой немотный нищенский вопрос —
Ваш неответ, мечту перечеркнувший.

И строки, словно руки, что вразброс
летели — обескрылились ненужно.

Рисунок этой боли мне знаком.
Как звёздный бисер — пот на теле ночи.
Застрял в гортани неба лунный ком, —
плотай, давьсь рыданьем, что есть мочи.

Всевидающий, ты глух и слеп, как крот!
Душа перечит разуму устало.
Надежда врёт, кривя улыбкой рот.
И мир-игрок, не веря, что банкрот,
прощается со мною у вокзала.

Свидетели были у нашей разлуки:
луна и её поднебесные слуги,
ночной переулочек, безлюден и мглист,
и с дерева рвавшийся в прошлое лист.

Ничто не запомнило мёртвое место.
Теперь тут другие жених и невеста.
И вывески те же, и тот же фонарь,
но нету там нас — не ищи и не шарь.

Никто не виновен. Судьба виновата.
Так вечер кончается ночью когда-то.
Однажды ладоням приходится вдруг
разжаться и выпустить счастье из рук.

Ошалев от любви и обиды,
я пишу по горячим следам.
Не подам ни руки Вам, ни виду,
ни надежды я Вам не подам.

Лишь одно я скажу напоследок,
отрясая Ваш прах с моих ног:
этот стих — словно памятный слепок,
маска смерти с любви, эпилог.

Это слабость была или прихоть —
не заманит вовек западня.
Я о Вас и не вспомню! Но Вы хоть,
иногда поминайте хоть лихом,
хоть на миг вспоминайте меня.

Раньше света вставала заря.
Занималась (привычное дело!).
В изголовье у неба горя,
уходить до конца не хотела.

О печаль преходящего дня!
Я её от души понимаю.
Умирают, прощально звеня,
подвенечные ландыши мая.

Как ни бейся и ни прекословь —
шлёт судьба похоронку в конверте.
И клонится к закату любовь,
как клонятся ко сну или смерти.

Поезд жизни застыл на путях.
Ночь безлюдная и ледяная.
Как земля о весенних дождях,
я сейчас о тебе вспоминаю.

Весну мою уносит в просинь,
и лету наступил конец...
Но пусть уже не двадцать восемь —
есть у меня в запасе осень,
её и золото, и багрец.

Не веря тьме расхожих истин,
смотрю на свет из-под руки:
летят с небес сердечки листьев,
их подвиг свят и бескорыстен,
всем силлогизмам вопреки.

Я Вашу выдумала ласку,
я Вам внимала не дыша.
Хоть знала: время смоем краску,
но в эту песню, в эту сказку
вцепилась намертво душа.

Я имя повторяла всею,
во сне витал крылатый дух...
И, воедино всё связуя,
всё ждал свой звёздный час Везувий,
но не дождался... и потух.

Судьба без страсти и без злости
всё, что висит на волоске,
разрушит, лучше сразу бросьте —

все башни из слоновой кости,
все наши замки на песке.

О нежность света, сладость мрака,
тоска, сверлящая висок...
Схоронена на дне оврага
под ворохом греха и праха
любовь, ушедшая в песок.

У этой повести нехитрой
сюжета нет. Всё между строк.
Но, может быть, сменив палитру,
когда-нибудь, как в фильме — титры,
судьба допишет эпилог.

Пунктир звезды прочерчивает след,
и нимб луны над головой витает.
Который год встречаю так рассвет,
а всё никак в душе не рассветает.

Ожог звезды, Всевышний, притуши!
Прохладой утра будет лоб остужен.
Я высунусь из логова души
и посмотрю на этот мир снаружи.

Увижу, ужаснусь и снова — нырк! —
под ставни, под спасительные шторы.
Невыносим крикливой жизни цирк.
Душа моя не выдержит повтора.

Я снова в мироздание лечу,
лицом уткнувшись в звёздные соцветья,
и знать, как милый классик, не хочу,
какое там у вас тысячелетье.

Прародина

Сквозь волны туманностей, Млечных Путей,
галактик бесчисленных мимо,
летит голубая планета людей,
космическим вихрем гонима.

А мы — лишь песчинки, что оторвались
от тьмы мировой океана,
чтоб после вернуться в родимую высь,
в свою праисторию канув.

Как в зной раскалённый прохлады питьё,
как хлеб или воздух, насущен

возврат в изначальное, в прабытиё,
в дремучие дебри и кущи.

Вернуться, сияньем нездешним светясь,
в стихию, откуда мы родом,
и встретить иную свою ипостась,
себя побеждая уходом.

Пыталась к земле прилепиться душа,
но было её чуждо и серо.
Как будто наполненный воздухом шар,
тянуло её в ноосферу.

Сдержи из глубин твоих рвущийся крик.
И смерть ещё тоже — не вечер!
Нас ждёт несказанный родной материк,
Божественных родин предтеча.

Там смысл сокровенный покажется прост,
бессмысленным — опыт, что нажит.
И ангел в венке из серебряных звёзд
нам что-нибудь нежное скажет.

Волшебный мёд таится в жизни сотах.
Сбирать, вбирать, покуда не умру..
Я только лишь вместилище чего-то,
чему название и не подберу.

В тайгу души я отправляюсь в ссылку,
в её глубины, недра, глухомань.
Любви моей предтеча, предпосылка
проглянет сквозь мистический туман.

Сирень счастливо оживает в банке.
Луна нарядно обретает вид.
У изголовья тихо брезжит ангел.
Он где-то рядом, около любви.

Неграмотно, неопытно живу.
Не впрок уму укор из поднебесья.
Я руки простираю в синеву
и пробавляюсь вместо хлеба песней.

Душе сподручней в облаках витать,
а на земле — не важно, как придётся,
ни думать не желая, ни гадать,
во что мне эта роскошь обойдётся.

Над кровлей полнокровная луна
омыла всё, что полночь очернила.
В душе моей покой и тишина.
Простите, что Вам нежность причинила.

Дождь

Дождь неизбывно шёл четыре дня,
пронизывая стрел своих уколом.
И всех прохожих он объединял
прозрачным серебристым ореолом.

Род близости — промокшести людской!
Казалось, дождь идёт над целым миром —
так щедро он делился с ним тоской
и бурных слёз своих роскошным пиром.

Рождалась душ таинственная связь
и встречи взглядов — тайной пантомимой.
Одни сдавались, робко потупясь,
другие же скользили гордо мимо.

Но не решался ни к кому никто
приблизиться, и тысячи мечтаний
вдаль уплывали, скрытые зонтом,
неузнанные в дымке и тумане.

Дождь землю омывал в своей крови.
Людских сердец вершился поединок...
Роскошное излишество любви,
как хлеб насущный, нам необходимо.

Как этот дождь идёт в охотку,
о, упоительные струи!
Я влюблена в его походку,
в пощёчины и поцелуи.

Дождь с серебристыми висками,
с косящим глазом из поднебья,
дождь вперемешку с облаками
и радуги великолепьем...

Я задержусь в твоих секундах,
я растворюсь в твоей купели,
в осколках маленького бунта,
в прозрачном невесомом теле.

Я буду плыть в твоих потоках,
дробясь на крохотные части,

где всё — как Лета у истока,
где молнии — как вспышки страсти...

Я на перроне ночи
вдаль провожаю день.
Он уходить не хочет,
но отступает в тень.

Глядя на звёздный улей,
сладко глаза смежить.
Мгла опустевших улиц,
жизни, уставшие жить...

Жаждет душа ночлега.
На рубеже веков
тихо лежать под снегом.
Смерти крыло легко.

Где вы, любимые прежде?
Тонет в пустыне глас.
Бог не ответит надежде.
Ангел покинул нас.

Цепь фонарей похожа на бессмертье,
мне Божья милость жёлтая мила.
Бреду куда-то в снежной круговерти,
что поглощает медленная мгла.

Рассыпана небесная солонка.
Твой пир, зима, чаруй же и балуй!
Растаял день. Я шлю ему вдогонку
по воздуху летящий поцелуй.

Прощаю все потери и напасти.
Прощаю этот сумрак голубой.
И, кажется, я сотворяю счастье
из тьмы всего, что составляет боль.

Пролетела весна мотыльковой беспечной мечты,
лето знойной любви растворилось в берёзовых кущах.
Подступают к порогу, сужая кольцо пустоты,
осень жёлтой тоски и зима моей смерти грядущей.

Я к небесным очам поднимаю с надеждой лицо.
Как же мне избежать этих дьявольских щупальцев страха?
Я пытаюсь прорвать роковое стальное кольцо,
духи прошлой любви воскрешая из пепла и праха.

Сколь великую власть обретают простые слова,
колдовское заклятье таится в глубинах порыва.
О любимые прежде! Пока я вас помню — жива.
И вы тоже — пока я люблю вас — по-прежнему живы.

Отступает в испуге когда-то попутавший бес.
Проступает в судьбе весь неправедный бред опечаток.
Души милых светло и прощающе смотрят с небес,
и хранится навеки в них мой молодой отпечаток.

Моим стихом опять заговорила ночь.
Вот месяц воспарил, что как крыло у чайки.
Прислушайтесь ко мне. Молчать одной невмочь.
Лишь стих мой скажет Вам всю правду без утайки.

Мой тайный, мой чужой, роднее нет тебя!
Не верь дневным словам и закруглённым фразам.
Любовь упразднена в системе бытия.
И уз не разорвать, и не совпасть по фазам.

Во сне мы видим то, что в жизни не дано.
Мой вымысел, мой сон, не дай мне Бог очнуться!
Волшебное кино, души двойное дно...
Не встретиться никак, но и не разминуться.

О сколь — забыть, проклясть, вернуться в мир людской —
обеты я даю, не выдержав боренья,
одним ударом враз с надеждой и тоской
расправиться! — увы, напрасны ухищренья.

Мой властелин, монарх, не знаю, как ещё
тебя именовать, чтоб было адекватно.
Ищи мою любовь. Теплее, горячо...
А если ты найдёшь — то я не виновата.

...Не слушайте меня. И снова до утра
ссылает стих меня на гауптвахту ночи.
Невольнице окна, тетради и пера,
мне бредить и творить, и верить, и пророчить.

Я сделаюсь строга. Не ластюсь и не льщу.
А может, зря от Вас я нежность утаила?
Внутри своей беды блаженство отыщу,
и будет мне сиять созвездье Альтаира.

Прощайте, дорогой. Я затворю балкон.
Вы догадались, да? Я говорю не с Вами,

а с Тем, кто сотворил и нравственный закон,
и звёзды, что горят у нас над головами.

У Господа широкий кругозор:
он видит всю округлость и огромность.
Заметить — ну какой ему резон —
одной судьбы ничтожную подробность?

Как тяжело эту ношу мне влачить.
Жизнь — тяжкий труд. Пора платить за вредность.
О смилуйся! — прошу Тебя в ночи, —
луны полушку мне подай на бедность.

Стезя моя убога и нища,
но Это — все невзгоды перекрыло:
несу в ладонях сердца, трепеща,
трофеей любви — мой стих золотокрылый.

На встречу с таинственным Некто
опять всю тетрадь изведу.
Любви моей летопись — лепту
ничтожную — в Лету вплету.

Опять полуночная пытка,
души опустивший перрон...
Но прибыль растёт от убытка
и радостью рдеет урон.

Сообщница души, ослушница ума,
черчу узор судьбы. Он тёмный и неровен.
Чего хочу, зачем? Не ведаю сама.
Что это — гул веков или биенье крови?

Невольница любви, соперница богов,
я жизнь свою творю, играю, как по нотам,
под музыку в тиши единственных шагов,
под скрип пера в ночи исчерканных блокнотов.

Сквозь вечности ветвистой дерева
я погружаюсь в древние столетья,
сплетаю слов тончайших кружева,
ряжусь в созвучий дивные соцветья.

Что годы, беды... Вы мне не видны.
Бреду бродягой, вольным бедуином.

И тонет глаз в руинах старины,
душа — в обломках нежности старинной.

Опровергая мудрости права —
рвануться стеблем облаку навстречу!
Любви грудной невнятные слова
прошелестят в ночи подобьем речи.

Весна моя растаяла вдали,
звезда моя затеряна в тумане.
Но роскошь боли душу мне светлит,
и вздох мгновенья вдохновенье манит.

А после — отражая миражи,
пить низких истин горькое лекарство
и, бедствуя, немотствовать в тиши,
освобождая душу от лукавства.

Вы опечалили меня.
И слова острая перчинка
проникла в кровь, охолоня,
оставшись горькою начинкой.

О, ничего. Мне не впервой
глотать целебную пилюлю.
Но лучше б — в бездну головой,
но лучше б — рану или пулю!

Я Вам пишу. Блажу, брожу,
дрожу от предвкушенья слова.
И всепрощающе гляжу,
удела не ища иного.

Встречай по душе меня — не по уму,
а то мы тут все одичали.
Я нежить от жизни своей отожду,
как грязную воду печали.

Ум слишком умён, чтобы всё понимать.
Спасения в нём не найдёшь ты.
Душа же подскажет, поможет, как мать,
согреет вместо одежды.

Я душу свою полощу на реке,
нежнее шелков и батиста.
Учусь говорить на её языке:
тончайшем, прозрачайшем, чистом.

Я не хочу припасть к твоей груди,
а в ней — пропасть, до дна разбередив.
Хочу пробиться к самой глубине
и там забыться с ней наедине.

Мне больно от касания руки.
Довольно мне ласкания строки.
Я так люблю, что лучше погублю,
но никогда любви не пригублю.

А рыба каждого стиха
несёт в открытой пасти
невинность утра, мрак греха,
страдания и страсти.

Что этой рыбе западня,
наживки, сети, снасти!
Ведь у поэта — ни отнять,
ни дать не в нашей власти.

Критикесса

Люблю я критиков моих.
На шее одного из них,
благоуханна и гола,
сияет антиголова.

А.Вознесенский

«Старушки смаргивали слёзы», —
строчила опус, зла как бес,
приняв высокомерья позу,
одна из местных критикесс.

Она клеймила рудименты
сентиментальной старины:
«Ведь не одни же сантименты
в стихах притягивать должны!»

Блистали перлы, как кораллы,
летели перья, прах и пух.
О, как она их презирала,
несовременных тех старух!

Претила ей восторгов сцена.
Она видала их в гробу.
Она-то знала строчкам цену,
роняя их через губу.

Изысканна, как тубероза,
кривила губы эта мисс.
Но изо рта отнюдь не розы,
а жабы плюхались на лист.

О чувственники мозговые,
эстеты, снобы всех мастей!
Им всё с рожденья не впервые,
они не ведают страстей.

Старушки чувствовали слово,
стихи рождали в горле спазм.
А критиков антиголовых
над миром возносил маразм.

Премудрый взгляд исполнен смысла,
хранит цитаты голова.
Но дурно пахнут чем-то кислым
мёртвождённые слова.

Глядела критикесса косо,
строчила пасквиль иль памфлет...
А у старух мерцали слёзы,
и в лицах был пречистый свет.

Как камень с плеч свалился враз —
машину продали и дачу.
Отныне мчи меня, Пегас,
по бездорожью, наудачу!

Не попадаю в колею,
в следы людских стереотипов,
и легкомысленно плюю
на всех жизнеспособных типов.

О рабства огородный плен,
ионычей святое братство!
Убогим видится с колен
мне ваше нищее богатство.

О чём жалеть? О чём тужить?
Спешить в леса к дубам и клёнам.
Как хорошо отныне жить
свободным и непреклонным!

Невидимка, Невидадь, Никто...
Я пишу как Богу или Другу.

Пусть ты даже будешь Чёрт в пальто —
через вечность протяни мне руку.

Я гляжу до слёз на синеву.
Звать тебя никак, да и неважно.
Я пишу, спешу к тебе, плыву
на своём кораблике бумажном.

Я прошу: прими меня всерьёз.
Прочитай бесхитростные строки.
Шлю тебе отчаянные SOS —
сердца позывные, биотоки.

Пусть тебе расскажут небеса,
как ждала, звала, что было силы.
Может быть, найдётся адресат
и прочтёт их где-то кто-то милый.

Соловей отпустит мне грехи,
ночь блеснёт улыбкой херувима.
Пока живы сказки и стихи —
всё ещё на свете поправимо.

Памяти Лены Тарасовой

Мне попалась под руку
старая тетрадь.
Время! Что мне дорого —
просьба: не стирать.

Там стихи прекрасные
девушки одной.
Леночка Тарасова!
Ты всегда со мной.

*«Исцели от голода.
Голова в дыму.
Дажь его мне, Господи,
а меня — ему».*

Леночка Тарасова,
помолись о чуде.
Кто увидел раз её —
тот уж не забудет.

Рюшечки на платъице,
смотрит так смущённо...
Словно виноватится
неизвестно в чём она.

Заливаясь краскою,
дарит песнь свою.
Леночка Тарасова,
как тебе в раю?

*«Прочь, рассудок студящий!
На глазах у всех
быть любимой, любящей —
или это грех?»*

Я прошу беспомощно:
время, не карай!
Хоть соломкой тонущих
удержи за край!

Бог тебя отметил.
Никнет голова...
Я прочла в газете
страшные слова.

*«Стыли хоралы строгие Баха.
Осень, опомнись, плакса-неряха.
Глупое сердце, мокрая птаха,
всё, что ты любишь, — горсточка праха».*

Из капкана комнат —
в мир, что так хорош...
Леночка, опомнись!
Господи, не трожь!

Оборвав надежду —
шаг через балкон...
Боже правый, где ж твой
нравственный закон?!

*«Жизнь — лишь арена славы и страха.
После рассудим, Пасха иль плаха.
Время — сиделка, мудрая пряжа.
Что же ты плачешь, осень-неряха?»*

По чернильным знакам
проведу рукой.
Как тут не заплакать
над чужой строкой?

*«Не остави в горести —
кинь звезду во тьму.
Даждь его мне, господи,
а меня — ему».*

Давиду

1

Глазели в окна злые лица улиц,
где я брела и бредила, дрожа.
Не царских лакомств, не заморских устриц —
простого хлеба жаждала душа.

Искала счастья. Холодно, теплее..
Никак не находилось то плечо.
И лишь на той заснеженной аллее
почувствовала кожей: горячо.

Единственный! Укутаться, уткнуться..
Был свыше предначертан этот путь.
Другой тропинки нет: не разминуться.
И звёзды так упали: не свернуть.

Тринадцать лет творю любви молитвы.
Я слушаю, что ангел мне велит.
И наш союз чем старе — тем счастливей,
неразделим, прекрасен и велик.

2

В волосах — ни седины, в глазах — ни грустинки,
и ни капли горчинки в горячей крови.
Я прошу тебя, жизнь, не меняй ту пластинку,
пусть закружит нас вальс вечно юной любви.

Я на карте места наших встреч обозначу,
календарному дню воспою дифирамб.
И тебя воспою, и в стихи мои спрячу,
никакой вездесущей судьбе не отдам.

Всё, что бредило, зрело во мне и бродило,
лишь сумятице сердце прикажет: нахлынь! —
то теперь до последней морщинки родимо,
и качает меня твоей ласки теплынь.

Я — изделие твоё. Твои руки и губы
из меня воедино собрали куски.
Ты вдохнул в меня жизнь на манер стеклодува.
Я забыла вкус боли и запах тоски.

Отдаю иль беру — различить не умею.
И хочу одного я теперь, не шутя —

лишь любить и голубить, и холить, лелея,
и баюкать тебя, как больное дитя.

В твоём сердце зерном по весне прорастаю.
Отражаюсь в зрачках твоих: та ли? не та ль?
Может статья, единственная из ста я,
что, как Золушке, впору пришёлся хрусталь.

Хэппи энд? Торжество? Избавленье от тягот?
Пусть несётся кораблик по волюшке волн.
Я не знаю, как звёзды в судьбе нашей лягут,
что захочет любви и стиха произвол.

3

Мой пастырь, царь мой, поводырь!
Не льщу, а льну к тебе и ластюсь.
Дороже хлеба и воды
лишь то, что называют счастьем.

Пускай всего судьба лишит —
лишь были б рядом эти губы...
Чем больше жизнь идёт на убыль —
тем больше прибыль для души.

Великий внутренний покой.
Что по сравненью с этим воля!
Теперь заполнено тобой —
что было наполненьем боли.

Из царства вымысла — в между
перехожу насущной речи.
Свою любовь перевожу
я с лунного — на человеческий.

Я знала бред её и брод,
ночного таинства порочность,
и расставания непрочность,
и пагубу, и проворот.

Но, приручённая тобой,
скользит вослед домашней тенью.
Вовек со мной моя любовь,
неразлучимо — ночь ли, день ли.

Судьбе повелевает стих
делить вдвоём и зной, и пасмурь.
И смех, и плач, и даже насморк —
отныне послан на двоих.

Прочнее не бывает уз.
Их суть, их смысл сакраментален.
Вот ты. Вот я. Вот наш союз.
Смешон и лишен комменарий.